

Глава 7

Слово и власть

О несоответствии содержания речи её форме

Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали...

А. С. Пушкин

Речь — простейший и самый явный способ показать принадлежность к тому или иному слою общества.

Яркий пример отличительной речи — язык преступников. Уголовники «ботали по фене», чтобы показать свою принадлежность к преступному миру. Офенский язык, по мнению некоторых исследователей, был языком русских старообрядцев. От слова «офен» — крест, и офени — крещёные.

В прошлые века русский язык состоял преимущественно из русских слов, а иноязычными были лишь научные термины. Поэтому образованные люди пытались выделиться из простого народа, используя в речи заимствования.

Смута начала XX века принесла нам новые примеры отличительной речи. Один из них — сквернословие, или

попросту мат. Сквернословие для православных является грехом. До революции сквернословил лишь узкий круг опустившихся отщепенцев.

Революция принесла борьбу против православия: «Отречемся от старого мира, / Отряхнём его прах с наших ног». Люди, желающие показать приверженность новой власти большевиков, свою «отречённость от старого мира», стали прилюдно сквернословить.

Тогда же возник тот косный, нескладный и корявый «официальный» русский язык, которым мы сейчас зачастую пользуемся для составления документов.

Прочитав отчёт о гидрографических работах моего деда, написанный в 1920-е годы, я был изумлён. Стиль языка — как в письме жене. Простой, живой русский язык, не отличающийся от бытового. Хотя и начинался документ словами «Следуя заветам Ленина, курсом Коммунистической партии...». Я же в 1980-е писал такие же отчёты о гидрографических работах неуклюжим бюрократическим языком от третьего лица, с лишними словами. Например, не «мы измерили глубины и нанесли их на карту», а «нами был произведён промер глубин и осуществлено нанесение их на карту».

Стал изучать историю вопроса и вот к чему пришёл.

В 1917 году власть в России захватили инородцы и иноверцы — так сказано в обращении РПЦ к Генуэзской конференции 1922 года¹. Многие административные должности в стране заняли либо иностранцы, либо бывшие граждане Российской империи, владевшие русским как неродным. Наш административный язык родился точно так же, как одесский говор. Турок учился русскому у грека, латыш — у поляка, а немец — у чеха. Получился новояз — так его тогда называли.

¹ <http://mirznanii.com/a/183994/genuezskaya-konferentsiya>

Далее карьеристы, чтобы показать свою принадлежность к новому классу управленцев, старались подражать их языку. Потом инородцы ушли из советского руководства... Но новояз остался.

Эллочка-людоедка — героиня как раз той поры, 1920-х годов, вполне вероятно, и была создана Ильфом и Петровым, чтобы высмеять этот самый новояз.

«Смута» не случайно происходит от слова «муть». Смуты «смущают» умы и для этого приносят в язык мутные потоки новых, чуждых нам «мутных» слов.

Так было и после 1917-го, и после 1991 года.

Горбачёв с Ельциным вместе со сдачей государственных интересов во всех областях, с «независимым» Центробанком, с верховенством международного закона над российским способствовали внедрению в русский язык таких мутных слов, как «суверенитет», «природные ресурсы», «национальный» (в значении «государственный»), «мониторинг» и пр.

В Конституциях и 1938-го, и 1977 года использовалось слово «недра», а не словосочетание «природные ресурсы». В 1980-е годы мы могли повсеместно слышать слова «свобода» и «независимость»; иноязычного слова «суверенитет» в широком употреблении не было. Была «оценка обстановки», а за «анализ ситуации» в военных учебных заведениях могли и двойку поставить. Слов «мониторинг» и «инжиниринг» до 1990-х годов в русском языке не было вовсе.

На мой взгляд, либеральные слова эти сродни скверным — тем, которые в советское время назывались нецензурными, то есть мату. Потому что люди, повторяющие слова, привнесённые в наш язык «демократизаторами», речью своей выражают одобрение их политики. Они показывают либеральность собственных убеждений, как те,

кто некогда с помощью сквернословия показывал преданность большевикам.

К сожалению, зачастую и видные деятели некоторых общественных объединений, называющие себя патриотами и на словах осуждающие смуту 1990-х годов, широко используют смутный лексикон либералов. И не только в речах, но даже в плакатах, в призывах и речовках! «За национального лидера Путина!», «За национальный суверенитет России!», «Проконтролируем экспорт природных ресурсов!» и т. п.

Они говорят, что любят Россию, но явно избегают русских слов, стараясь заменить их иноязычными.

Получается, что форма речи этих деятелей входит в противоречие с её содержанием. Простой, малосведущий в истории слушатель хотя и не поймёт этого, но все же почувствует неладное. Заподозрит в неискренности. Как если бы священник стал прилюдно сквернословить.

То же касается и англицизмов. Создатели и руководители некоторых общественных движений прямо говорят, что борются против англосаксов за независимость от них России. Но при этом они употребляют в своей речи множество избыточных английских и латинских слов, которые в большинстве случаев можно легко заменить родными, русскими словами. Тем самым они показывают своё чужebesие, покорность англосаксонской воле.

Для примера можно сравнить речи министра иностранных дел С. В. Лаврова и председателя правительства Д. М. Медведева. Простая и ясная речь Лаврова отличается от речи Медведева прежде всего количеством слов-«либералов» и заимствований. Не думаю, что обычные люди сравнивают словарные запасы этих политиков. Но кому народ больше доверяет? Тому, у кого речь чище.

В. В. Путин раньше говорил, избегая лишних «либеральных» слов. И он заслужил народное доверие и любовь именно тогда, когда его речь была патриотичной по форме. Но в последние годы его речь изменилась. Предлагаю своё объяснение почему.

После трагических событий на Украине российское общество всё отчётливее делится на две части. С одной стороны — сторонники либеральных «общечеловеческих демократических» ценностей, «интеграции России в глобальное экономическое и культурное сообщество». С другой — борцы за создание многополярного мира, за сильную независимую Россию, имеющую свои, отличные от «общечеловеческих», ценности¹.

Глава государства, как ему и следует, показывает своей речью, что он не относит себя ни к одному из противостоящих лагерей. Он — глава всех россиян.

Возможно, так же будет говорить человек, не имеющий политических взглядов или желающий их скрыть. Но люди, стремящиеся показать приверженность одной из противоборствующих сторон, должны подчеркивать свои убеждения не только содержанием, но и формой речи.

Большинство людей не задумываются над словами, которые они произносят. Но от этого речь не перестаёт характеризовать человека. Сознательно или подсознательно он своим словарным запасом многое сообщает о себе. Знает ли он иностранные языки и понимает ли смысл иноязычных слов, которые произносит? Думает ли он сам или бездумно повторяет услышанное из СМИ? Какие книги читает, откуда черпает сведения для своих суждений, с кем

¹ Кстати, нечто подобное мы уже проходили. Троцкисты были сторонниками «мировой революции», а сталинисты — сторонниками «победы социализма в одной отдельно взятой стране». Те же два лагеря, что и теперь.

общается? И главное, что ему милее — своё, родное или «общечеловеческое» западное?

Слово имеет вещественную силу.

«Блокада Санкт-Петербурга», — написал ребенок и на замечание ответил: «А какая разница?» По аналогии: Борис Вилькицкий открыл Северную Землю. Или Землю Николая II — какая разница? Путин — национальный лидер России. Или фольксфюрер? Или народный вождь? Какая разница?

Что ваша речь говорит о вас? Изобилует ли она «общечеловеческими» словами, привнесёнными в наш язык «заокеанскими партнёрами», или вы предпочитаете родные русские слова?

Конечно, после 20 лет угнетённого положения русского языка бывает трудно подобрать русское слово, соответствующее «либеральному», ставшему для нас привычным. Приходится утруждаться, задумываться. Не зря Пушкин писал: «Леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны».

Конечно, нельзя перегибать палку и заменять в своей речи исконно русскими словами все прижившиеся когда-то заимствования. Но если патриот России избегает как слов-«либералов», внесённых в широкое употребление в смутные 1990-е годы, так и вновь внедряемых в русский язык иноязычных заимствований, он выглядит цельной, гармоничной, думающей и волевой личностью.

Какой ещё вред исходит от рассматриваемых либеральных слов и словосочетаний, таких как «суверенитет», «природные ресурсы», «национальный» (в значении «государственный») и подобных?

Враг умён и дальновиден, и недооценивать его было бы грубейшей ошибкой. Он не случайно ввёл их в русский язык во время полного господства над нами в 1990-е годы.

Слова эти несут смысловые ошибки, влекут заблуждения и поэтому подходят для смущения умов. А некоторые из них просто опасны, так как они дают скверному явлению невинное, не несущее отрицательного образа название.

Например, термин «суверенитет» дословно означает «верховенство», «главенство». В ряде случаев, как, например, в банковской терминологии («суверенная эмиссия денег»), он употребляется в своём правильном значении. Но иногда, когда мы понимаем изначальный смысл слова, его применение кажется не вполне уместным. Например, «национальный суверенитет» — о верховенстве какой нации идёт речь? В многонациональной России, по нашим убеждениям, все нации равны — и суверенной среди них нет. В мире тоже. Верно и точно было бы говорить «государственная независимость», как это делали ещё 20–25 лет назад. Нам понятно стремление наших «партнёров» при первой возможности ввести нас в заблуждение, спутать нам ориентиры, подпортить наш язык. Как говорит в программе «Вести» Киселёв, «англичанка гадит». Но почему теперь, когда после 2014-го года волки сбросили овечьи шкуры и слово «партнёры» прочно засело в кавычки, мы не можем убрать эту гадость из нашего языка?

«Суицид» — мы это явление поощряем или боремся с ним? Если боремся, то почему такое невинное название для самоубийства настойчиво вводится в общенародное употребление? Например, 12 марта 2017 года в программе «Вести недели» с Дмитрием Киселёвым ведущий репортёр Павел Зарубин шесть раз использовал слово «суицид» и один раз «самоубийство». Общий счёт в программе — 7:3 в пользу «суицида», а из трёх раз, пришедшихся на «самоубийство», один раз его произнёс Владимир Путин и один — Ирина Яровая. Очередной пример того, как СМИ узкоспециальный термин делают словом русского языка.